

С. В. Балчевская Рекрутские причитания в народной
Вологда традиции среднего течения реки Сухоны
(Нюксенский район Вологодской области)

Архивные коллекции аудио и видеозаписей Центра традиционной народной культуры Вологодского государственного педагогического университета¹ содержат богатые фольклорно-этнографические материалы, представляющие народную традицию среднего течения реки Сухоны. Значимое место в собрании занимают записи этнографических сведений об обрядах семейно-бытового цикла и причитаний, которые являются своеобразным жанровым маркером каждого обрядового комплекса – свадебного, похоронно-поминального, рекрутского. Свадебные и похоронно-поминальные причитания Средней Сухоны широко представлены в архиве, тогда как записи рекрутских причитаний не многочисленны и фрагментарны, что свидетельствует о наименьшей степени их сохранности в традиции.

Исследователи рассматривают рекрутчину как позднее явление, сложившееся в конце XVII – начале XVIII веков. К этому же периоду относят и время создания основного корпуса текстов рекрутских причитаний². Вместе с тем, по мнению В. И. Ереминой, основанием для формирования причетных форм, связанных с отправкой в регулярную армию, послужили существовавшие ранее воинские плачи³.

В коллекциях ЦТНК ВГПУ содержатся материалы (80-е–90-е годы XX века) о бытовании рекрутского обряда в традиции Средней Сухоны, отражающие инициационный характер рекрутчины, который, как указывает А. К. Байбурин, проявляется в групповом характере проведения обряда, в искусственном изменении прически новобранца и в применяющейся в связи с этим терминологии, в «недееспособности» главного героя ритуала (рекрута, призывника)⁴.

1. Терминология. В нюксенской традиции рекрутов именовали «*лекрута*» или «*некрута*». Весь период от получения повестки до

отправки на службу (от трех дней до месяца) новобранцы «некрутились» или «рекрутничали».

2. Модификация облика обрядового героя. Изменение статуса парня-призывника обязательно сопровождалось изменением и его внешнего вида. Внешний вид рекрута маркировался не только сменой прически (сбривали волосы), на шею ему повязывали полотенце: «*Вот моёво-то отца провожали в армию-ту, дак она уж <причитала>. Да, говорят, это, пол'отенцё на эту, на шею-ту ему, лекруту-ту, навяжут, да ходят по деревне, это, с письням-то, да провожают-то да родитили-те*» (Брусенский, Брусенец, 457-02)⁵; «*Оправляли на войну-ту, дак мать-та причитала, да и полотенцё ему на шею наложила*» (Брусенский, Пустыня, 1429-14)⁶.

3. Недееспособность героя. Призывники на весь обрядовый период освобождались от всех домашних и общинных работ, занимаясь собственно «гульбой». Как отмечают местные жители: «*рекрут – значит свободно гуляющий человек до определённого времени, определённого времё, да, который больше нечем не занимался, кроме как гулять*» (Брусенский, Пустыня, 2006-12).

4. Общинный характер проведения обряда. Коллективность обрядового действия, связанного с отправкой на службу, выражалась в демонстрационных шествиях призывников по дороге с пением частушек, групповых катаниях на лошадях по окрестным деревням, совместных застольях и вечеринах, общинных проводах в прощальный день.

Весь период до отправки варили пиво, рекрута по очереди ходили друг к другу пировать: «*А рекрута – дак это когда в армию берут. Дак вот за месяц до отправки, до армии, там праздновали. Ну, неско[ль]ко человек там соберётце, дак севодне у одного пируют, пиво варят, там и водку берут, и всё. Посидят целый день эти ребята, целый день у него, назавтра к другому идут, вот так*» (Брусенский, Пустыня, 2006-12).

Ярко выраженный демонстративный характер носили групповые катания рекрутов на лошадях по окрестным деревням: «*Тут уж лошадей выделяли специально и вот и в колхозе уж. Вот и нам лошадь, пару лошадей давали, вот мы на этих лошадях катались. Тарантас у нас был, понимаешь, пошуги свои были. Мы ездили на танцы там, на пляски в клуб, туда вот, в цэркве-то был клуб, дак туда и ездили. Горомки, звонки, туда с шиком с таким подъездом – куда-то тут?! – лошади там стоят. Рекрута!*» (Брусенский, Пустыня, 2006-12).

5. Выделение родовой доли (в виде ритуальной пищи, денежных средств). Отправляя новобранца в дорогу, ему давали с собой хлеб, яйца, котомку сухарей?: *«У меня отец ушёл, дак надо сухарёв – насышат котомку»* (Нюксеница, 1274-08).

Во время прощания родственники одаривали рекрутов деньгами «на дорожку», передавая их особым образом во время рукопожатия: *«Пойдёт, дак ему хто рубель, хто там два, хто трёшник, кому не жалко и десятку – дёньги дают. Дёньги давали это этем, рекрутам, на дорогу. Кому сколь не жаль. Дёньги давали. Прошшаютце и значит, тебе руку подаёт и хто скоко даст там: хто рубель, хто десятку, хто, ну, кому скоко там. Дают ведь свои люди, чужие-то, конечно, оне ведь... <...> Ну, как это тебе на дорожку суют, знаешь ведь, как гость, тебе штобы. Такая мода была введена. <...> Прямо не в карман ложишь, не в чёво, а прямо в руку подают и всё, когда прошшаютце»* (Брусенский, Монастыриха, 441-05).

В целом, на акциональном, атрибутивном и художественно-символическом уровнях следует отметить родство рекрутской обрядности с похоронно-поминальной, что обусловлено единством цели – благополучно отправить обрядового героя в мир «иной». Однако функциональная направленность проводов на конечный результат различна: значимость возвращения рекрута после службы в армии и нереальность появления покойного после смерти. Не случайно при расставании отмечали признаки, характеризующие жизнеспособность призывника и указывающие на возможность последующего его возвращения: если руки и губы у новобранца теплые – вернется со службы, если холодные – *«не видать»* больше (Востровский, Заболотье, 1391-14). В востровской местности Нюксенского района гадали о судьбе рекрута посредством кудели, которую теребили, скатывали, поджигали и наблюдали за тем, как сгорит: останется *«могилкой»* – не вернется обратно, *«исчезнёт всё – придёт домой»* (Востровский, Заболотье, 1391-14).

Причитания маркировали все значимые моменты обряда проводов в армию, направленного на отчуждение представителя родового коллектива, мужского сообщества, озаменованное изменением его семейного и общественного статуса. В среднесухонской традиции причитания начинали с момента появления в доме призывника с повесткой. Причитания исполнялись при совместных катаниях рекрута с родственниками на лошадях: *«Ой, раньше-то! Сядут к этому, к саудату-то, да по*

деревне-то катаютця дак причитают» (Городищенский, Пожарище, 404-03).

Особо насыщен причитаниями последний прощальный день. Кульминационным моментом являются непосредственные проводы рекрута – общинное шествие по деревне – до места сбора призывников. Звуковое поле данной обрядовой ситуации имело максимальную степень акустической концентрации: парни и девушки (молодежная составляющая общины) исполняли частушки под наигрыши на гармони, в это же время близкие родственники рекрута причитали. Деревенские жители вспоминают: *«Провожают в другой раз с гармоньёй (й)их. Дак мать-то идёт позаде, ревит, а оне с гармоньёй идут и письни поют дак. Ну, некрут-от, можёт, не поёт, а робята-те ведь с (й)им, ево провожают, дак поют. А мать причитаэт, идёт позаде (ведь рот не заткнёшь матере-то). А ведь робята-те, оне в гармонию играют и письни поют – провожают некрута»* (Востровский, Ягрыш, 496-54). Причитали всю дорогу – от дома до места сбора: *«У нас бабка Ворониха-та рассказывал 'а (вот Ваську в армью взяли, этово, отцёва-то брата), ну, дак говорит: "Я по всёй деревне шл 'а, – говорит, – на ево на плецё навалил 'ае, ревел 'а"»* (Дмитриевский, Малая Сельменьга, 1642-02).

Причитали, как правило, близкие родственники призывника – мать, сестра, жена. При этом к рекруту обращались согласно степени имеющихся родственных отношений, например:

- к сыну – *«мое сердечное дитятко»*;
- к брату – *«мой родимой ты брателко»*;
- к мужу – *«моя милая ладушка»*.

Поскольку «прямые проводы покойного и проводы на “чужую дальнюю сторону” рекрута получили очень близкие формы выражения», соответственно рекрутские причитания, как отмечает В. И. Еремина, «вобрали в себя, приспособили для своих целей застывшие, готовые клише родственно близких им похоронных причитаний»⁸.

Типовыми для всех причетных форм обрядов семейно-бытового комплекса в традиции являются обращения, отражающие орнитоморфные представления деревенских жителей – *«голубочик ты сизенькой, соколочик ты ясенькой»* (в дмитриевской местности) или *«голубочик ты сизенькой, либедочик ты биленькой»* (в городищенской) и т. п. Данные представления находят выражение и в поэтических мотивах причитаний. Например:

Рекрутский причет	Похоронный причет
<p>«Ой, да улител'о-то дитятко, Ой, да за леса за дремуцие, Ой, да за бол'ота зыбуцие. Ой, да за моря да за синие» (Дмитриевский, Красавино, 463-08)</p>	<p>По дороге на кладбище в день похорон: «Уезжаешь ты, зетюшко, Ты в леса-те дремуцие, Да бол'ота зыбуцие, Да за моря-те гл'убокие, Да во сырую землюшку, Да в гл'убоку могил'ушку. Тибe не выйти, не выехать Не с которой сторонушки» (Востровский, Копылово, 1400-25)</p>

Метафорически ярко образ обрядового героя представлен в причетных текстах Дмитриевского поселения Нюксенского района:

Рекрутский причет	Похоронный причет	Поминальный причет
<p>Ой, ты, гол'убоцик, ты сизенькой, Ой, да сокол'оцик, ты яснен(и)кой, Ой, ты, моё сердцешиноё дитятко, Ой, ты – моя надия великая Ой, ты – моя гора да вы- сокая, Ой, ты – моя стена бел'окаменна. (Дмитриевский, Красавино, 463-08)</p>	<p>Моя родимая мамушка, Ты – моя думушка крепкая, Да ты – моё сл'ово-то тайноё. (Дмитриевский, Красавино, 1630-03)</p>	<p>Ой, ты, моё сер(и)дешноё дитятко, Ой, ты – моя гора да высокая, Ой, ты – моя стена бел'окаменна, Ой, ты – моя надия великая, Ой, ты – мои хлебы-те бел'ые, Ой, ты – мои соли-те камены. (Дмитриевский, Большая Сельменьга, 489-14)</p>

Следует выделить образ «дороги» («дороженьки»), который является одним из ключевых в фольклорных текстах, сопровождающих обряды проводов. В рекрутских причитаниях среднесухонской традиции данный образ имеет следующие характеристики:

«Дорога б тебе широкая,
Широка да и торная...» (Нюксеница, 1410-27)

«Туда-то дороженька
Широка да раскатиста,
А оттуда [дороженька]

Узка да ухабиста» (Дмитриевский, Побойшино, 498-23).

В причитаниях, связанных с отправкой в армию, доминируют поэтические мотивы, повествующие о расставании рекрута с родными

и последующих возможных страданиях осиротевших близких, которые также свойственны причитаниям похоронно-поминальной обрядности:

<i>Рекрутский причет</i>	<i>Похоронный причет</i>
<p><i>Ты пошл'а, моя л'адушка, Дак ты пошл'а под неволюшку. Ты оставил'а детоньков, Да свою любую невестушку. <... > Оне мал'ы-те, малёхоньки, Да оне гл'упы'-те, гл'упёхоньки, Да без родимова тятеньки...»</i> (Востровский, Вострое, 1390-01).</p>	<p>В доме: <i>«Ой, ты, моя мил'ая л'адушка, Ой, меня оставил' ты, л'адушка, Ой, ты со сер(и)дешным-то детонькам. Ой, оне мал'ы да малёшеньки, Ой, да гл'упые да гл'упёшен(и)ки, Ой, да недоросл'ая травонька, Ой, да недоспел'ая ягодка.</i></p>
<p><i>«Ой, какие мы да несцяс[т]ные, Ой, да я без мил'ые л'адушки, Ой, намуцуюсе, настрадаюсе. Ой, да я не думал'а, л'адушка, Ой, шцё с детонькам да останусе. Ой, нам будёт смерть да сидецяя, Ой, сидецяя да гол'одная. <... > Ой, я этово да не думал'а, Ой, я горюшка да не цял'а, Ой, топере мы да осталисе, Ой, за нас замол'вить-то некому, Ой, да нанести будёт каждому. Ой, мои серьдешные детоньки, Ой, да без родимова тятеньки, Ой, да все оне будут нел'овкие. Ой, да будут оне непослушные, Ой, да науцить-то их некому, Ой, да без родимова тятен(и)ки»</i> (Дмитриевский, Большая Сельменьга, 489-12)</p>	<p><i>Ой, мои сер(ы)дешные детоньки, Ой, да будёт (й)им да намуцитьце, Ой, без тятеньки да намаетьце. Ой, да нанести будёт каждому, Ой, да призамол'вить-то некому. Ой, мои сер(и)дешные детон(и)ки, Ой, оне не знают-то тятеньки. Ой, да не видали жо, детон(и)ки, Ой, да пригол'убь-то великою»</i> (Дмитриевский, Красавино, 463-07).</p>

Отличительной особенностью рекрутских причитаний в традиции является наличие в поэтических текстах мотивов, представляющих будущее функциональное пространство обрядового героя – «служба царская», «неволя невольная», «штыки железные», «пули медные»:

«Ты пошел-то ведь, брателко,

Ты на службу-ту царскую...» (Дмитриевский, Озерки, 748-03)

«Вы пошли, мои детоньки,

Да вы под неволю невольную,

Да под штыки-те железные,

Да вы под пули-те медные...» (Востровский, Вострое, 1390-01)

*«Ак ты пойдёшь, ты моё дитятко,
Да ты под пули-те медные,
Да под оружья золезные да...»*
(Востровский, Заболотье, 1391-13)

Звучание сольных причетных форм в обрядах семейно-бытового комплекса местные жители определяют как «причитание», «рѣв», указывая однако, что мотив рекрутских причитаний отличается от похоронно-поминальных и сольных свадебных – он «не как о покойнике», «разный» (Дмитриевский, Побоишное, 498-23); «Об живых, дак поют веселя, а мертвый дак, это, гол'ос жал'обнее. Дак я ведь даве ревел'а, я причитал'а, видяю. Об покойнике, дак такой и гол'ос – слезливой. А об живом цел'овеке дак... Тоже, видяю ревят о свадьбе, видяю, жалиют. Да как?! Гол'ос-то на жиз[н]ь идёт, на жиз[н]ь, а не смерть ведь» (Дмитриевский, Малая Сельменьга, 1642-02).

В настоящее время отношение народных исполнителей к причетным формам, исполняемым в рекрутской и свадебной обрядности, изменилось в связи с утратой их функциональной значимости, поэтому бытуют мнения об опасности и даже невозможности причитаний по живому человеку: «Я вот Борису редела, редела и наворожила. <...> Много, долго ему редела, причитала. Вот эдак навалилась... И не отпыхывает меня, слушает, слушает...» (Дмитриевский, Побоишное, 498-23); «Нет, не причитали тут-то уж, нет, только песни пели. А если ребята пойдут по деревне, эдак попоют. А так не причитали, зачем припричитывать-то живово-то чёловека?! Они пели. Какую песню вздумают, такую поют» (Брусенский, Монастыриха, 429-36); «Угор у нас там по-за Кулиге-то, по-за Сарафановської, дак она проводила тудо-ка деревню-то только, да хотела с (й)им да попричитать. “Воротись, воротись, воротись, итобы я звука не чуу твоёво”. Ой, раньше-то! Сядут к этому, к саудату-то, да по деревне-то катаютця дак причитают. “Это што? – гыт. – Ведь я, – гыт, – не сдох”. А войны не было...» (Городищенский, Пожарище, 404-03).

Эмоционально-обрядовое состояние исполнителей причитаний находит выражение в структурных элементах напевов причитаний: специфике начального возгласа, словообрывах, цезурах, протяженности разделов формы, обусловленной физиологическими особенностями певческого дыхания.

Возгласная составляющая причитаний является значимым структурно-семантическим элементом формы и определяется современными исследователями «как коммуникативное явление, рассчитанное на непосредственное восприятие и реакцию окружающих и выполняющее функцию магического воздействия с целью достижения желаемого результата»⁹. В нюксенской традиции возглас имеет стабильное начальное месторасположение в структуре причетной мелостроки и представлен следующими разновидностями: однословным («Ой»), двусловным («Ой да»), пятисловным («Охти мнеченьки», «Ой, тошнёшенько»).

Следует указать на закреплённость возгласной составляющей причетной формы за обрядовой ситуацией. Так, если для похоронно-поминальных причитаний уфтыюгско-востровской зоны Нюксенского района характерна одно- или двуслоговая норма возгласа (при этом исключение составляет верхнеуфтыюгская часть зоны, где бытует пятисловный возглас «охти мнеченьки»), то для городищенско-брусенской зоны характерной является пятисловная основа, выраженная восклицанием «ой, тошнёшенько», «ой, тошнёхонько». В возгласной части рекрутских причитаний уфтыюгско-востровская зона сохраняет позицию одно-двуслоговой нормы, то есть возгласная составляющая рекрутской и похоронно-поминальной причети идентичны. А в городищенско-брусенской зоне пятисловный возглас «ой, тошнёшенько» (похоронно-поминальный) заменяет однотипный структурно «охти мнеченьки» (рекрутский). Это подчеркивается в рассказах местных жителей: *«Да запрягут [лошадь], да катаютца по деревне-то, а матка сядёт, причитает, навалитце на ево. А только, это, не «ой, тошнёшенько», а «охти мнеченьки» причитали»* (Городищенский, Пожарище, 404-30); *«Это тошнёшенько – тоска. Тоска. Сына похоронит, дак ведь матери не весельё, а тоска, дак “тошнёшенько” причитают»* (Нюксеница, 2024-04).

Ладоинтонационные особенности напевов рекрутских причитаний среднесухонской традиции характеризуются протяженностью динамически окрашенного начального возгласа, малотерцовой ладовой ячейкой с возможным расширением узкообъемного амбитуса до кварты за счет опевания нижнего опорного тона, нисходящим мелодическим контуром на основе терцовых или секундовых сопряжений тонов. Плачевая специфика исполнения выражается в нетемперированном интонационном «скольжении» мотива в рамках ритмически выделенных ладовых опор, в незначительных задержках и ускорениях в процессе эмоционального декламационного высказывания. (Примеры 1, 2, 3).

Представленные особенности рекрутских причитаний Нюксенского района Вологодской области выражают специфику плачевой культуры среднесухонской традиции. Занимая центральное место в комплексе обрядов семейно-бытового цикла (рекрутского, свадебного, похоронно-поминального), причитания выполняют значимые ритуально-магические, апотропеические, социально-коммуникативные функции, отражая общетипологические закономерности бытования и художественного воплощения народных представлений о мироустройстве и системе взаимоотношений своего и чужого.

*Пример 1. Рекрутский причет*¹⁰

Дмитриевский с/с, д. Красавино, 463-08

Ой, ты го-лу - бо-чик, ты си - зень-кой.

Ой, да со-ко - ло-чик ты яс - не-н(н)-кой.

Ой, ты мо-ё еерь - деш-но-ё дви - тил-ко.

Ой, ты мо-я на - ди - я вс - жи-ка - я.

Ой, ты мо-я го - ра да вы - со - ка - я.

Пример 2. Рекрутский причет ¹¹

Востровский с/с, д. Вострое, 1390-02

Ой да ты шш - то, мо - ё да-тат-ко,
Ой да ты пз с-уж - ду - ту вст - мо - ки
Ой да под не - жу - тил, не - вк - зомь - ку,
Ой да ты ос - га - нив - ю, да - душ - ва,
Сбс да зз ро - да - мым - то сб - тилш - возл

Пример 3. Рекрутский причет ¹²

«Ох-ти мнеченьки...», Городищенский с/с, д. Пожарище, 404-03

Ох - ти мнечень-ки, мо-ё середень-но-ё да-тат-ко
Ох - ти мнечень-ки, да со мес-ня со-ва - ли-ла-сс.
Ох - ти мнечень-ки, да вся на-ди-я вс - ли-ка-я.
Ох - ти мнечень-ки, за-за - ве-ло-то у ме-ня.

Примечания

¹ Далее – ЦНТК ВГПУ. Заведующая ЦНТК ВГПУ – кандидат искусствоведения,¹ заслуженный работник культуры РФ Г. П. Парадовская.

² К. В. Чистов пишет: «В 1699 году указом Петра была введена рекрутская повинность. <...> Почти непрерывные войны, которые велись в XVIII веке, влекли за собой систематически, становившиеся все более частыми, рекрутские наборы. Именно в это время на почве бытовой традиции складывается в своих основных чертах особая разновидность причети, сопровождающая обряд проводов в армию (рекрутская) и посвященная солдатской теме (солдатская)». См.: Чистов К. В. Русская причеть // Причитания. Ред. Б. Н. Путилов. Вст. ст. и прим. К. В. Чистова. – Л.: Сов. писатель, 1960. С. 20.

³ Ерёмкина В. И. Ритуал и фольклор. – Л.: Наука, 1991. С. 26.

⁴ Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб: Наука, 1993. С. 63.

⁵ Здесь и далее в скобках указывается место записи в Нюксенском районе Вологодской области (сельсовет, деревня), а также номер единицы архивного хранения по аудиофонду ЦНТК ВГПУ.

⁶ Следует указать на символическое значение обрядового полотна как «пути-дороги», связывающей пространство свое и чужое, мир свой и иной. Как отмечают исследователи, при помощи обрядовой атрибуции рекруты как «лиминальные объекты ритуала» «выделяются из обыденного мира», вводятся в сакральное пространство и «вступают в ритуальную коммуникацию». См.: Ткань. Ритуал. Человек. Традиции ткачества славян Восточной Европы. Авт.-сост. О. В. Лысенко, С. В. Комарова. – СПб.: Астур, 1992. С. 20.

⁷ Как отмечает А.К. Байбурин, сухари являются «символом солдатской доли». См.: Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре... С. 65.

⁸ Ерёмкина В. И. Ритуал и фольклор... С. 25–26.

⁹ Королькова И. В. Возглас в причитаниях: структурный и семантический аспекты // Традиционные музыкальные культуры на рубеже столетий: Проблемы, методы, перспективы исследования: Материалы Международной научной конференции. – М.: РАМ им. Гнесиных, 2008. С. 315.

¹⁰ Запись: д. Красавино, Дмитриевский с/с, Нюксенский район, Вологодская область, 08.07.1988. Исп.: Королёва Акулина Михайловна, 1906 г.р., родом из д. Берёзово Нюксенского с/с. Зап.: Парадовская Г. П., Третьякова А. А., Чепига Т. Б. Нотация: Брагина М. С. Архив ЦНТК ВГПУ ЭАФ: 463-08.

¹¹ Запись: д. Вострое, Востровский с/с, Нюксенский район, Вологодская область, 20.06.1996. Исп.: Захарова Лидия Ивановна, 1910 г. р., родом из д. Заболотье. Зап.: Третьякова А. А., Юрина О. Н., Виноградова И.В., Федосова Т.Н. Нотация: Брагина М. С. Архив ЦНТК ВГПУ ЭАФ: 1390-02. Напев транспонирован на полтона вверх.

¹² Запись: д. Пожарище, Городищенский с/с, Нюксенский район, Вологодская область, 18.09.1987. Исп.: Теребова Анна Петровна, 1897 г. р., здешняя. Совместная экспедиция ЦНТК ВГПУ и Фольклорно-этнографического центра Санкт-Петербургской (Ленинградской) государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова. Авт. зап.: Получистова О. А., Столярова О. В. Нотация: Брагина М. С. Архив ЦНТК ВГПУ ЭАФ 404-03.